

ЕГО ЗНАЮТ ВСЕ

ИГОРЮ ИЛЬИНСКОМУ — 70 ЛЕТ

тщательнейшим образом «препарировали» едва ли не каждое его выступление, не скупясь на громкую и заслуженную похвалу. Слава пришла к актеру рано, в юности, и не покидает его доныне, не отставая ни на шаг, а часто и вперед забегая, освещая блеском своим еще не сыгранные роли, не поставленные спектакли. Печать, начав в двадцатых годах со скромной рецензии на оперу «Виндзорские проказницы», где «хороши в роли шутов такие-то» (в том числе И. Ильинский), в семидесятые отмечает творчество актера добрым десятком книг, монографий, исследований. И сколько раз этот «актер-шалун», как называл его в свое время Станиславский, давал новую пищу прессе — то неожиданным отходом от привычного широкому зрителю амплуа комика в классическую драму, в роли трагического плана — Тихон в «Грозе» Островского, Аким в пьесе «Власть тьмы» Толстого, — то многогранностью или, более того, неисчерпаемостью возможностей в кино и на эстраде, на радио.

Широта диапазона интересов Ильинского, полифоничность таланта могли родиться не только на почве необыкновенной одаренности. Они щедро окрашены интеллектом, высо-

кой и всесторонней образованностью. Актеру присущи лучшие черты и высокие нравственные идеалы, унаследованные от передовой русской интеллигенции.

Игорь Владимирович вырос в семье известного зубного врача, человека широчайшей эрудиции. Провозившись 10—12 часов с пациентами, врач отдыхал, до поздней ночи читая сыну любимых своих писателей: Диккенса, Джерома, Гоголя, Чехова. Читал по-особенному, в лицах, на разные голоса, рассказывая по комнате и чуть играя. И так — из вечера в вечер, из года в год. Часто собирались гости, актеры — друзья отца: Собинов, Остужев, супруги Рыжовы, театральные критик С. Н. Дурылин. Разговоры о литературе и театре, импровизированные, стихийно сыгранные сценки и солидно подготовленные любительские спектакли питали мысль мальчика, определяли круг интересов, будили воображение. Друзья дома находили у отца незаурядный актерский талант и всерьез советовали попробовать силы на профессиональной сцене. Сыну же никто не пророчил театральной славы... Много лет спустя профессор Заседаев, друг дома Ильинских, после спектакля в Малом театре (ставили «Лес» А. Н. Остров-

ского, Игорь Владимирович играл Счастливецва и восторженно принимался публичкой) сказал ему в сердцах:

— Хорошо ты играешь Аркашку, не спорю, но до отца тебе далеко!

Ильинский рассказывал о детстве неторопливо и с удовольствием, а потом долго молчал, не желая, наверное, расставаться с вызванными в памяти картинками.

Игорь Владимирович хорошо знает тех, кто ходит в театр, много думает о современном зрителе. Ему нет нужды подстраиваться под капризы вкусов, выглядеть актером модным. Ему важно быть современным, и понятие это он толкует широко и всесторонне. Быть современным вовсе не значит бежать вприпрыжку за сегодняшним днем, то и дело заглядывая ему в лицо, сверяясь, так ли поступаешь. Современный художник в понимании Ильинского тот, кто несет в себе, в творчестве своем лучшие, передовые идеи современности и, переосмысливая их, всматривается в завтра...

Он легок на подъем, он любознателен, щедр — и в каких только городах не побывал, с кем только не повстречался, обрушивая на зрителя каскад великолепных сценических находок, фонтаны неистощимого юмора.

Ильинский всегда выходил на сцену один. На актере нет грима, на сцене — реквизита; отсутствуют декорации, обычен и повседневен его костюм. Негромок голос, ни жестов эффектных, ни позы. Зал замер, ждет. Вот Ильинский заговорил. Прошла минута, другая, и уже бурно откликается зритель на каждое слово актера, безоговорочно, согласно и радостно воспринимая его.

Успех Ильинского — актера театра, кино и Ильинского — режиссера определен и закономерен не только талантом, профессиональным мастерством и опытом. Главное — в художническом видении, в восприятии, глубоком осмысливании и собственной интерпретации роли, пьесы, сценария, в гражданственности позиции. Гражданственность! Она создает прочные предпосылки успеха, питает его. Она же лежит в основе работы актера на сцене, и в выборе концертного репертуара.

— Наверное, у каждого, — говорит Игорь Владимирович, — наступает пора, когда вдруг ощущаешь необходимость спросить себя: «А зачем ты? В чем твоё дело, предназначённость?» Мне было уже за тридцать, когда я задался этим вопросом. И ответил себе я так: смехом и слезами со сцены помогать добру и правде. Утверждать добро и правду. Защищать. Отстаивать.

Достойное осмеяния надо осмеивать незамедлительно — в спектакле, на эстраде, в кино. И требуется — дабы избежать сиюминутности — очень продуманно выбрать тему...

Семьдесят лет Игорю Владимировичу, а он по-прежнему играет в теннис. Зимой корты возле его дачи в Переделкине превращаются в хоккейную площадку и окрестные мальчишки кричат ему: «Шайбу! Шайбу!» Стены московской квартиры увешаны спортивными сувенирами. Тут и клюшка с автографами всего состава сборной СССР по хоккею, и памятные вымпелы футбольных команд, и огромная коллекция спортивных значков. На почетном месте весло с монограммой: «Ветерану гребного спорта И. В. Ильинскому» — и такое увлечение было... В книжном шкафу и на полках полно новинок — из тех, о которых сегодня говорят и спорят.

— Очень хочется сыграть человека старше себя по возрасту, заглянуть в старость, — говорит Игорь Владимирович, — каково там? Думаю над «Человеком из ресторана», — может быть, не совсем то, но мысль о нем не оставляю. Как режиссер и как актер буду работать над Гоголем, Островским, Суховым. Кобылин интересен очень, любопытнейшим образом прозвучать может сегодня. Перечитываю Бальзака и размышляю, пытаюсь представить себе на сцене «Отца Горюхи»... Это — дальний прицел. А ближний... Который час, кстати? О, меня уже на телевидении ждут!

День шел на убыль, темнело. Я обернулся на повороте дачной улочки. По тропинке к ярко освещенному дому шел человек. Невысокий, седой. Добавлю: мудрый.

Валентин СЕРГЕЕВ.